

На вопросы редакции отвечает профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ доктор юридических наук Андрей Васильевич ПОЛЯКОВ

СВОБОДЫ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — ЭТО ТОЖЕ ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

Создатель российской коммуникативной теории права, один из разработчиков постклассической юриспруденции и интегрального правопонимания. В 1976 году закончил юридический факультет ЛГУ. В 1987 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «„Возрожденное естественное право в России“: критический анализ основных концепций» (науч. рук. проф. Д.И. Луковская). В 2002 году защитил докторскую диссертацию на тему «Коммуникативная концепция права: генезис и теоретико-правовое обоснование». С 1985 года занимается преподавательской и научной деятельностью.

Лауреат премии I степени СПбГУ за монографию «Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход» в номинации «За научные труды» (2005), лауреат премии СПбГУ «За педагогическое мастерство» (2009). В 2017 году присвоено звание «Почетный работник сферы образования Российской Федерации».

Член нескольких научных редколлегий, главный редактор журнала «Известия высших учебных заведений. Правоведение» (2011–2017), главный редактор издания «Российский ежегодник теории права» (2008–2012), автор более 200 научных и методических работ по теории и философии права, истории правовых учений, философской антропологии права и правовой когнитивистике.

— В каком состоянии сейчас находится теория права? Появляются ли новые идеи и имена? Требуется ли ее развитие и если да, то в каком направлении?

— Современная теория права — феномен полифонический. Выделить в нем какое-то конкретное направление в качестве основной тенденции, которая бы характеризовала развитие всей теории и философии права, наверное, нельзя. Скорее речь может идти об общих проблемах, волнующих философов и теоретиков права и влияющих на развитие теоретико-правового знания. Для примера можно взять Всемирные конгрессы Международной ассоциации по философии права и социальной философии (*IVR*), которые проходят раз в два года. В сделанных там докладах и опубликованных материалах можно увидеть срез современной теории, философии права и социальных наук в их взаимодействии. Летом нынешнего года Конгресс *IVR* проходил в Южной Корее,

в Сеуле. Я хоть там и не был (на этом Конгрессе было несколько россиян, включая Е.Н. Тонкова, также представителя петербургской школы философии права — сторонника правового реализма), но ознакомился с его материалами и могу сказать, что вопросы, которые выносились на обсуждение, достаточно традиционны: это вопросы прав человека, демократии и правового государства. Они обсуждаются на протяжении многих лет. Все чаще к ним добавляются проблемы, которые связаны с появлением новых технологий, цифрового права, нейроправа, когнитивных исследований; было много вопросов, связанных с биоэтикой, феминистской теорией, гендерными и культуральными проблемами и т.д., включая традиционный уже интерес к таким темам, как «право и экономика», «право и литература», «право и нарративы». Интересно, что эти же вопросы обсуждают не только западные ученые, но и представители Востока, включая Азиатский регион.

Говорить о какой-то доминирующей теории в зарубежном праве сложно. Конечно, очень сильна и представлена многими школами различных стран аналитическая философия (теория) права. С другой стороны, есть направления, которые первоначально развивались локально, например в американском праве, в частности школа критических правовых исследований, но затем получили развитие и в других странах. Из этой школы выходили и выходят левые теоретики правовой борьбы с социальным неравенством, политической иерархией и подавлением человеческой личности. В этом контексте развиваются феминистские правовые теории, критическая расовая теория и т.д. Но и правовые школы естественно-правовой направленности не сдают своих позиций и даже укрепляют их в случае перехода к современным междисциплинарным исследованиям права, подкрепленным не только метафизическими аргументами, но и научными данными. Поэтому утверждать, что теория и философия права за рубежом пришли к какому-то единому пониманию феномена права, я не могу.

— Отличается ли картина в российском праве? Может быть, у нас доминирует какое-то теоретическое направление?

— Я не готов сказать, что у нас доминирует какой-то один подход или одна школа в теории и философии

права. Конечно, на своем базовом, низовом уровне восприятия российская правовая теория воспроизводит концепт этатистского правопонимания. Но уже на уровне серьезной науки дело обстоит не так однозначно, существует достаточно много различных направлений и школ. Либертарно-юридическая теория еще не сказала своего последнего слова и развивается усилиями В.В. Лапаевой, Н.В. Варламовой и В.А. Четвернина, разработавшего собственную институциональную теорию права, во многом отличающуюся от классической теории В.С. Нерсесянца. Есть и другие подходы к праву, актуализирующие, с одной стороны, его «силовые» возможности, а с другой — традиционные российские ценности. Так, на Алтае развивается духовно-культурологическая, православная теория права В.В. Сорокина, А.А. Васильева и их учеников и последователей. У нас в Петербурге разработана так называемая постклассическая теория и философия права. В рамках этого направления кооперируются моя коммуникативная теория права и диалогическая теория права И.Л. Честнова. Интересные предложения по развитию коммуникативной теории права можно найти в работах И.И. Осветимской и в трудах С.В. Тихоновой. Любопытные идеи, развивающие синтетический, интегральный подход к праву, предлагает Е.В. Тимошина и уже ее ученики. В настоящее время постклассическое правоведение охватило достаточно много научных школ и центров, в том числе и за рубежом. В России это направление поддерживается, в частности, в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, где целый коллектив ученых, опираясь на постнеклассическую методологию, связывает право с когнитивистикой и развивает нормативно-когнитивную теорию права. Интересный вариант когнитивной теории права предлагает А.Н. Медушевский. В.П. Иванский разрабатывает информационно-квантовую концепцию права, включающую идеи и когнитивистики, и психологической школы Л.И. Петражицкого, а В.В. Архипов обдумывает собственный проект правовой медиафилософии, теории права в эпоху медиального поворота. Есть и другие направления. Аналитическая философия права у нас тоже развивается. Очень серьезную работу по продвижению этих идей осуществляют В.В. Оглезнев, С.Н. Касаткин и А.А. Краевский. В рамках этого же направления М.В. Антонов привлекает внимание к классическим трудам Е. Булыгина и Г. Кельзена, разрабатывая на этой основе

собственную концепцию правопорядка. В последнее время можно отметить тенденцию к сближению обозначенных разных подходов, стремление найти то, что их объединяет и позволяет работать над практическим их использованием в юридической практике. К сожалению, в рамках короткого интервью невозможно охватить все интересные идеи и цели теории, которые имеют место в российской правовой науке, поэтому я должен извиниться перед теми, кого просто не успел упомянуть, но кто, безусловно, этого достоин (особенно это относится к российским теоретикам и философам юснатурализма, чьи идеи я сам во многом разделяю). Подводя краткий итог столь объемному вопросу, можно сказать, что в российской теории и философии права существует примерно такое же разнообразие направлений, как и на Западе. Предупреждая возможный следующий вопрос, скажу, что, конечно, мы в некоторой степени отстаем.

— В разнообразии или в глубине мысли?

— Боюсь, что скорее в способности поддерживать диалог и переформатировать его благодаря новым идеям.

— Почему?

— Потому что для того, чтобы на равных участвовать в диалоге, нужно не просто изучать зарубежные труды, а активно подключаться к общей дискуссии и создавать школы, которые смогут заниматься не подражательным переименованием уже сказанного, а на основе наших представлений, сложившихся в рамках российских научных традиций, будить творческую мысль и, может быть, если и перенимать что-то, то творчески это перерабатывая. Для этого, конечно, нужно постоянное включение в научный процесс, участие в конгрессах, публикации в международных собственных и зарубежных журналах. Возьмем, например, несколько последних Конгрессов *IVR*. Многочисленные иностранные их участники объединяются, активно публикуются, их узнают, их работы переводят на другие языки, с ними дискутируют. У нас таких научных центров практически нет, и нам очень тяжело поддерживать какой-то диалог, потому что в силу известных обстоятельств мы говорим с зарубежными коллегами на разных языках во всех смыслах слова.

— Мы сейчас сотрудничаем с какими-то иностранными теоретиками права?

— Несомненно, сотрудничество продолжается, но это сотрудничество на уровне отдельных ученых или отдельных мероприятий. Например, у нас в СПбГУ сложились неплохие взаимоотношения с известным американским аналитическим философом права Б. Биксом, который неоднократно участвовал и в наших диссертационных советах. Есть совместный научный проект и с самым авторитетным зарубежным представителем современного естественного права Дж. Финнисом, который мы реализуем вместе с целым рядом зарубежных коллег из многих стран. Финнис хорошо знаком с работами Л.И. Петражицкого, он участвовал в нашей конференции, посвященной творчеству этого выдающегося правоведа. И сейчас мы делаем коллективную монографию по теории права Петражицкого, построенную на диалоге с теорией самого Дж. Финниса, в рамках которой наши специалисты, в том числе Е.В. Тимошина, Н.В. Варламова и ряд других ученых, ведут заинтересованное обсуждение насущных правовых проблем. Но это скорее эпизод международного сотрудничества, чем постоянная практика. Будем надеяться, что удастся этот совместный многолетний труд закончить в срок и издать. Нельзя не отметить и публикационную активность в известных зарубежных изданиях уже упомянутого мною ранее нашего специалиста по российскому правовому реализму Е.Н. Тонкова.

— А марксистско-ленинскую теорию кто-нибудь развивает?

— Да. Развивается она своеобразно и скорее как неомарксистская. Ее разрабатывают, в частности, В.М. Сырых и А.И. Клименко. У этих авторов бывают достаточно интересные соображения по развитию и совершенствованию современной теории права. У нас в СПбГУ будет в декабре конференция, и мы планируем обсуждать на ней и эту проблематику. Франкфуртская школа философии права тоже, в общем-то, от Маркса не отрещивается, даже Ю. Хабермас и А. Хоннет так или иначе какие-то идеи марксизма воспринимают.

— Имеет ли это теоретическое разнообразие какое-то значение для практики?

— В России те, кто принимает законы, может быть, и далеки от философии права, но те, кто применяет право, не так уж и далеки. Судьи Конституционного Суда, судя по их публикациям, философией права занимаются, и для них это очень важная составляющая их профессии. Без философии права они не обходятся, но я не могу сказать, что они придерживаются какой-то одной теории. Можно встретить судей, которые говорят, что являются сторонниками естественно-правовой позиции в своей судебной практике, но есть и другие, которые разделяют иные теоретические подходы. Поэтому сказать, что какая-то одна теория на всех повлияла, сложно.

С другой стороны, сейчас много пишут о доктринальных источниках права. Поэтому нельзя исключать, что какие-то серьезные, принципиально значимые теоретические рассуждения, воспринятые из трудов по философии права, могут вольно или невольно использоваться и в правоприменительной практике российскими судьями. Они не сделают ссылку на это, естественно.

— Если судьи Конституционного Суда придерживаются разных подходов к теоретическим основам права, его источникам и способам реализации, то на базе какой концепции они принимают решения? Как узнать их личные воззрения, если особые мнения отменили...

— На этот вопрос мне трудно ответить. Некоторые авторы у нас пишут, что в тяжелые, мобилизационные времена всегда существует опасность того, что судейский корпус под видом обоснования решений высшими правовыми ценностями на деле будет подменять эти ценности предугадываемой волей органов власти. Именно поэтому научно обоснованное знание о том, что собой представляют в действительности традиционные российские духовно-нравственные ценности (закрепленные и в нашей Конституции), позволит такой опасности избежать. Замечу, что этой проблематикой занимается под моим руководством группа коллег в рамках гранта РНФ «Право и традиционные ценности: междисциплинарное исследование»¹.

¹ Грант Российского научного фонда № 24-28-00976, см.: <https://rscf.ru/project/24-28-00976/> (дата обращения: 11.12.2024).

— На Ваш взгляд, происходит ли сближение права и морали или же они расходятся?

— Даже аналитические философы, я уж не говорю о других направлениях, стараются не противопоставлять право и мораль. Но если говорить о российских теоретических представлениях на этот счет, то я думаю, что сейчас перед нами стоит прямая задача найти связь между правом и моралью. Это объясняется и актуализацией проблематики традиционных ценностей. Что касается моего взгляда на этот вопрос, то для меня ответ очевиден, поскольку я давно уже отстаиваю позицию, согласно которой право и мораль теснейшим образом связаны между собой. Этой проблематике я посвятил много своих трудов, у меня достаточно устоявшаяся точка зрения. Она вытекает из того, что право вообще может возникать только как бытие человека в коммуникации с другими людьми. Коммуникация, основанная на языке, уже имплицитно предполагает те самые правовые и моральные основания, без которых невозможно само существование права. Фундаментальная правовая идея заключается в том, что представление о собственной правосубъектности, как и о правосубъектности других людей, предшествует возникновению любого формализованного права. Право в его экзистенциальном смысле, как и мораль, есть нечто такое, что возникает одновременно с самим понятием человека тогда, когда он научается находить нечто общее, общий язык с другим человеком и через него, этого другого человека, через диалог с ним он становится самим собой, получает свое «я», претендующее на совместную защиту от опасностей окружающего мира. Право на безопасность возникает только через обязанность признавать аналогичное право окружающих тебя людей. Об этом моя последняя монография, она еще не опубликована, — «Право на признание и обязанность признавать». Это центральный тезис моего взгляда на соотношение права и морали. Обязанность признавать другого — это не только правовая, но и моральная обязанность. Она рождается вместе с представлением о том, что любой человек по своей природе, при всей своей инаковости есть такой же, как и я сам, поэтому с ним можно вступить в языковую коммуникацию и через диалог добиться взаимопонимания. Можно сказать и больше — любой человек потенциально способен увидеть в другом человеке некое абсолютное

начало, которое не всегда проявляется вовне, но все равно таится в глубине человеческой сущности и объединяет всех людей. Именно поэтому другой человек не есть средство для удовлетворения моих желаний, а цель, с которой я должен считаться как с самим собой, и я обязан воспринимать его в его изначальной правосубъектности. В этом смысле традиционные ценности — это не те ценности, которые обладают какой-то архаичностью и пропитаны старинными представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо, не имеющими никакого отношения к современности. На мой взгляд, традиционные ценности — это такие ценности, которые как раз укоренены в социальной природе человека. Они есть всегда, но не всегда проявляются так, чтобы их можно было рассматривать как уравновешенные друг с другом, потому что любой человек обладает представлением о ценности собственной личности, собственного «я», но одновременно любой человек обладает и представлением о своей принадлежности к группе, обществу, государству. Оба начала совершенно необходимы. Они сформировались в ходе эволюционного развития человечества, в ходе двухуровневого отбора. Но уже в христианстве получили духовный смысл, как и само представление о свободной человеческой личности. Ценность человеческой личности основана на представлениях о свободе человека, его достоинстве, его правах и обязанностях в отношениях с другими людьми. Это основа либеральных взглядов. Ценности общества основаны на представлениях о необходимости солидарности, необходимости соблюдать свои обязанности, считаться с другими, быть патриотом и гражданином своего государства, чтить традиции. Это как раз то, что закладывает основы консервативных взглядов. Все эти ценности, и либеральные, и консервативные, всегда должны находиться в балансе между собой. Их нельзя мыслить в отрыве друг от друга, как нельзя север мыслить в отрыве от юга. Свободы и права человека — это такая же традиционная ценность, без нее невозможно. Если ее нет вообще, то нет и права как такового. И если у нас права и свободы человека, человеческое достоинство, гуманизм и все, что с этим связано, именуются традиционными ценностями согласно Указу Президента РФ № 809², то это не случайно. Потреб-

ность в признании изначальной правосубъектности человеческой личности относится, как я уже говорил, к основным жизненным потребностям, которую можно силовым путем ограничить и даже какое-то время игнорировать, но которая все равно рано или поздно выйдет на первый план. Именно поэтому мы не можем ее отбрасывать и считать, что традиционные ценности это только патриотизм, гражданство, крепкая семья и религия. Это все важно и значимо, но лишь в соединении с ценностями либеральными, потому что через них они получают свое, если хотите, высшее и, можно сказать, моральное и духовное значение. Не случайно ведь Н.А. Бердяев писал и о «вечной правде либерализма», и о том, что никакой суверенитет земной власти не может быть примирим с христианством. Единственный примиримый с христианством принцип есть, по Бердяеву, утверждение неотъемлемых прав человека (понятых, конечно, не индивидуалистически, но коммюнитарно, как необходимая предпосылка свободного духовного общения).

— Что, по Вашему мнению, должно включать в себя право на достойный уровень жизни? На какие меньшие права оно должно подразделяться? Насколько они конкретны?

— Достоинство человека — это неотъемлемое свойство человеческой личности, так или иначе отраженное в конституциях, в том числе в ст. 7.1 Конституции РФ, где речь идет о том, что политика российского государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Я, конечно, небольшой знаток подходов конституционного права к этой проблематике, но, мне кажется, не стоит говорить, что это какое-то строго определенное закрепленное право. Скорее, это положение следует рассматривать как обязанность государства поддерживать определенный уровень гарантий сохранения достоинства человека. Сказать, что из этого вытекает субъективное право как таковое, нельзя, потому что сложно кому-то предъявить свои притязания на исполнение этой обязанности, а исходя из существующих нормативных актов, трудно сказать и что понимается под этим достойным уровнем жизни, где

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

нию традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

проходит граница между достойным и недостойным. Я полагаю, что поддержание определенного уровня достоинства человеческой личности совершенно необходимо. И Конституция должна это отражать. Но я, наверное, соглашусь больше с теми нашими исследователями, которые не готовы это моральное право сводить только к поддержанию материального уровня благосостояния.

Мне представляется, что отношения взаимного признания складываются на двух уровнях: на горизонтальном уровне это взаимное признание между людьми, между гражданами, а на вертикальном — это отношение взаимного признания между государством и гражданином. В последнем случае и возникает возможность и даже необходимость признания достоинства гражданина государством, и это признание, конечно, должно включать в себя обязанность поддержания достойного уровня его существования, как материального, так и духовного. Поэтому мне представляется, что вся совокупность прав, по крайней мере большинство основных прав человека, которые закреплены в том числе в Конституции, уже имеют отношение к поддержанию этого уровня достойного существования. Потому что если гражданину будут предоставлять пособия, средства для поддержания его жизни, но при этом он будет лишен каких-то иных прав, допустим права на образование, на свободу совести, на получение достоверной информации, то это прямым образом скажется на его уровне жизни. Что же это будет за жизнь? Поэтому уровень жизни является достойным тогда, когда человек может в государстве полностью реализовывать все свои права, включая право на политическую, на общественную жизнь и т.д.

— **Получается, что это такое обобщающее право?**

— Его, конечно, можно сузить и выделить в нем, как некоторые авторы и делают, социально-экономические права, лежащие в основе права на достойный уровень жизни. Но, помимо этого, давайте туда включать права и первого поколения, и третьего. Следуя пирамиде Маслоу, начинать с материального, но не ограничиваться этим.

— **Как найти баланс между правопритязанием гражданина к государству на обеспечение до-**

стойного уровня жизни и усилиями самого гражданина для его достижения своим трудом?

— Это известная проблема безбилетника, или социального паразитизма, когда человек живет исключительно на то, что ему предоставляет государство, и при этом никаких обязанностей по отношению к другим не несет. Это не самый лучший вариант. Важно, чтобы человек активно сам включался в повышение уровня своего достойного существования, потому что это во многом зависит от него тоже, а не только от государства. В этом смысле достоинство предполагает, конечно, что гражданин сам стремится реализовать себя, свое «я», в том числе посредством исполнения своих обязанностей, участия в общественной жизни. И в этих взаимных стремлениях государства и человека обеспечить достойный уровень жизни и возникает баланс. Наделить достоинством того, кто его не чувствует в себе, трудно. Это серьезная проблема. Еще один непростой вопрос — насколько человек может участвовать в процедуре потери собственного достоинства. Это качество, достоинство человека, с одной стороны, на базовом уровне может быть константным, но, с другой стороны, кто-то может повышать свой уровень достоинства, а кто-то может его ронять весьма глубоко.

— **Как Вы относитесь к концепции общественного договора между государством и гражданами? Можно ли сказать, что сейчас идет пересмотр этого договора?**

— На мой взгляд, эта идея не такая уж теоретическая. Она в определенном смысле релевантна идее взаимного правового признания, потому что, если государство и граждане друг друга признают, тем самым как бы уже предполагается, что это признание и есть основа этого договора. О чем, собственно, этот договор? О том, что государство признает правосубъектность граждан, права, свободу, равное положение, достоинство и обязуется в отношении граждан осуществлять какие-то действия, исходящие из идеи солидарности. Гражданин обязуется исполнять свои обязанности и нести ответственность перед государством и другими гражданами. Этот договор так или иначе находит свое выражение, объективацию в Конституции, нормативно-правовых актах, которые создает государство, в действиях самого государства по его реализации. Если что-то меняется в содержании

договора, официально или неофициально, то надо смотреть на реакцию общества. Если оно принимает изменения, то это можно представить как перезаключение договора.

— Разделяете ли Вы подходы экономического анализа права?

— Экономический анализ права, на мой взгляд, это достаточно разнородное течение. В свое время с коллегами мы изучали чикагскую школу экономического анализа права, а именно нормативную теорию максимизации благосостояния Р. Познера. Там было довольно много интересных идей, которые мы пытались переосмыслить и примирить с нашей петербургской школой философии права. Было важно найти какие-то моральные основания, способные ограничить принцип экономической эффективности. Это было тем более интересно, что, в общем-то, идеи экономического анализа права в свое время были предсказаны Л.И. Петражицким. Он в своих ранних цивилистических работах предугадал многие идеи экономического анализа права. И в гражданском праве экономический подход, с определенными корректировками, достаточно продуктивен. Но сегодня из экономического анализа вышло несколько новых актуальных экономических направлений, среди которых мне сейчас более всего интересны идеи, сформулированные в так называемой поведенческой экономике.

— А Вам нравятся труды с критикой этого подхода?

— Да, у нас много интересных авторов, которые пишут по этой тематике. Есть основания и для критики. Есть основания и для признания. А.Г. Карапетов, например, написал целый трактат на эту тему, в основном апологетический. Конечно, повторюсь, в экономическом анализе права есть интересные идеи, которые можно использовать. Например, Познер использовал в своей теории понятие моральной интуиции. Мы все пытались понять, что под этим термином скрывается и насколько можно его наполнить реальным содержанием. Мой ученик В.С. Дорохин как раз по этому поводу написал в 2023 году целую монографию «Право, мораль и экономика: экономический анализ права и теория максимизации богатства Ричарда Познера», в которой идея взаимного признания получила экономическое и моральное обоснование.

— Кто из теоретиков права более всего повлиял на Вас?

— Я сформировался как ученый в первую очередь под влиянием идей Л.И. Петражицкого и его школы. Мне представляется, что, к примеру, П.А. Сорокин и Г.Д. Гурвич пытались развить теорию Петражицкого в верном направлении. Но соединение реализма петербургской школы с идеализмом московской школы «возрожденного естественного права» являлось главной для меня задачей. П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев и стоящие за их спинами В.С. Соловьев и Б.Н. Чичерин — интереснейшие мыслители, которые закладывали основы того, что впоследствии я попытался сформулировать в виде коммуникативной теории и философии права. И петербургская, и московская школы философии права были школами европейского уровня. Они задавали тон в Европе. В этом смысле, конечно, сравнить их с нашим сегодняшним уровнем научной влиятельности в мире сложно. Из зарубежных мыслителей мне интересен М. ван Хук, он, как и я, сторонник коммуникативного подхода. Кельзен, несомненно, тоже очень сильное влияние оказал, хоть я и не кельзенианец, но у него очень много любопытных идей, мимо которых не пройдешь. Его политическая теория выделяется и очень близка некоторым темам коммуникативной теории, поэтому он для меня интересный автор, с которым хочется полемизировать. Из советских теоретиков я бы назвал Л.С. Явича. Он был ведущим теоретиком права в 1970-е годы в СССР, его лекции и труды оказали на меня сильное впечатление уже в студенческие годы. В дальнейшем я во многом развивался как ученый под омофором моей первой научной руководительницы Д.И. Луковской, а в зрелые годы судьбоносной была встреча с И.Л. Честновым и Н.В. Разуваевым. Они смогли разжечь интерес к постмодернистским интерпретациям права, к его семиотическому и антропологическому аспектам. В эти годы складывалось своеобразное содружество ученых, которых объединяла постклассическая (неклассическая и постнеклассическая) перспектива восприятия права. К ним я отношу таких правоведов, как Ю.Е. Пермяков, С.И. Максимов, И.Д. Невважай, А.В. Стовба, В.И. Павлов, Н.Ф. Ковкель и многих других. И конечно, годами длившиеся плодотворные дискуссии со сторонниками либертарного подхода — В.В. Лапаевой, Н.В. Варламовой и особенно В.А. Четверниним — очень способствовали

прояснению многих сторон собственного научного мировоззрения.

— Как Вы считаете, право — это только государственное явление? Правила и нормы, которые сейчас создаются в рамках игровых сообществ, цифровых платформ, — это право?

— С моей точки зрения, право — это сложная сеть коммуникативных отношений. Его нельзя сводить только к текстуально зафиксированным в каких-то актах нормам. В определенном смысле право — живое явление, поскольку живет оно в сознании его носителей, людей, обладающих такими удивительными способностями, как способность воспринимать и ценить свою личность и разделять эту способность с другими людьми, создавая универсальное, интерсубъективное представление о тех ценностях, без которых их общее бытие окажется под вопросом. Существование дескриптивного языка, наряду с языком прескриптивным, создает те уникальные возможности коммуникации, которые нигде больше, кроме человеческого общества, не встречаются. То, что связывает людей в правовой реальности, — это взаимные права и обязанности, претворяющие в жизнь те человеческие потребности и интересы, которые призваны способствовать развитию каждого человека в коммуникативном взаимодействии с каждым другим человеком. Если мы имеем дело с такой самоорганизующейся системой, основанной на принципе взаимного правового признания, то можем считать, что мы имеем дело с правом в его центральном значении. Поэтому может существовать обычное, корпоративное, спортивное или церковное право, которое действительно жестко не связано с государством и имеет локальный, автономный характер. От этого идеализированного порядка возможны отклонения. Финнис в свое время писал о том, что помимо центрального, фокусного понятия права, включающего в себя все его признаки воедино, возможно и периферийное представление о праве, в рамках которого какие-то элементы такого сложного явления, как право, отсутствуют. Это как в случае с автомобилем: если у автомобиля отсутствует какая-то его составная часть, например задняя дверь, он остается автомобилем? Остается неполноценным, но автомобилем. Но если из него вынуть его суть (двигатель, обеспечивающий саму возможность функционировать), то это уже не автомобиль. Так же

и с правом. Оно никогда не бывает полностью совершенным и абсолютно справедливым. Но отсутствие взаимного правового признания между акторами разрушает все представления о праве. Поэтому если оно (взаимное правовое признание) есть, то даже непривычные для нас формы права могут считаться таковыми, при наличии остальных признаков, обозначенных выше. Поэтому в рамках традиции петербургской школы философии права вполне можно выносить право за пределы государства как его монопольного производителя. Конечно, такой подход вызывает вопросы, связанные с возможными конфликтами разных право порядков между собой, но они будут разрешаться или на основе временного утверждения силы, или на утверждении вневременной ценности принципа права.

— Есть ли теории права, которые Вы решили бы назвать вредными, прямо вводящими в заблуждение?

— Есть. Ответ на этот вопрос проистекает из моей концепции, ведь для меня право — это то, что основано на коммуникации, на взаимном признании людей, в том числе на взаимном правовом признании. Соответственно, те представления о праве, которые отрицают это взаимное признание, которые утверждают право как господство силы произвола над человеком (личностью человека или даже над какими-то социальными или национальными группами), на мой взгляд, являются позицией, которой не найти теоретического, научного оправдания. Ее проблема не только в научной беспомощности, но и в тех последствиях, которая она влечет, если кто-то из властей предержавших возьмет ее на вооружение. В качестве примера таких теорий я привожу в моей упомянутой выше работе теорию права раннего К. Шмитта, а также его русского «двойника» Н.В. Устрялова. Устрялов был увлечен в то время идеями, близкими Шмитту. И он, и Шмитт воспевали силу государства в лице его вождя и отводили ему (вождю, лидеру нации) роль высшего судьи и законодателя, призванного определять, что есть право, а что правом не является, что справедливо, а что несправедливо, что такое хорошо и что такое плохо, — невзирая на формальные законы и универсальные моральные правила. Устрялов следовал логике, согласно которой если государство — организованная сила, то, значит, оно и носитель права распоряжаться жизнью человека,

а человек обязан служить такому государству и беспрекословно ему подчиняться. Права человека в рамках такого подхода оказываются буржуазной выдумкой, не имеющей под собой никаких онтологических оснований, в лучшем случае — инструментом в руках государства. Поэтому, когда Устрялов в 1935 году решил вернуться в Россию, он прямо писал одному своему другу, что ему, не имея за собой никакой вины, скорее всего, придется «сложить свои кости» в результате предчувствовавшейся репрессии со стороны сталинского режима. Тем не менее его утешала мысль о том, что, если его убивают, значит (вспомним Маяковского), «это кому-нибудь нужно», значит, это послужит на благо России. Подобная жертвенная логика не является логикой права, но вполне укладывается в логику, оправдывающую силу произвола. В результате Устрялов возвращается в СССР и всего лишь через два года, в 1937 году, его расстреливают как врага народа. Это поучительная история, но трактовать подобные представления о праве как приемлемую научную теорию я никак не могу. Государство все-таки — это не просто система господства и насилия одних над другими. На мой взгляд, любое государство, правильное, нормальное, правовое, должно основываться на признании самоценности своих граждан, и тогда граждане получают основание для признания своего государства. Если государство основывается на принципе взаимного правового признания, то оно будет считаться со своими гражданами, в том числе считаться с их правами, которые и являются ограничителями власти.

— Просматривается ли какая-то концептуальная правовая основа, которой придерживается российское государство сейчас?

— На мой взгляд, просматривается, что наше государство стремится выстроить некую конструкцию традиционных ценностей, которые необходимо защищать в первую очередь. Наверное, консервативные ценности (служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, единство народов России, коллективизм, крепкая семья и др.) являются доминирующей частью этой конструкции, но она не исключает и либеральных ценностей (жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, гуманизм и др.). Указ Президента о традиционных ценностях как раз предполагает их баланс. В нем перечислены

как личные (либеральные), так и сверхличные (консервативные) ценности, да еще и коммуникативные ценности, которые их соединяют. Сейчас, по моему мнению, имеет место достаточно явный перекокс в сторону консервативных, сверхличных ценностей и личностно-свободного начала не хватает. Конечно, это можно объяснить той сложной ситуацией, в которой оказалась наша страна. Но поддержание баланса также является жизненно необходимой функцией государства. Хотелось бы, чтобы она была задействована в полной мере, потому что здоровый консерватизм может быть здоровым только в союзе со здоровым либерализмом. Это одна из сквозных идей наших лучших представителей «возрожденного естественного права», включая такого яркого мыслителя-правоведа, как И.А. Ильин.

— Почему ваша кафедра называется кафедрой теории и истории государства и права? Что общего между теорией и историей? Кажется, это совершенно разные вещи (история — очень эмпирическая дисциплина).

— Я бы так не сказал. Без знания истории, без исторического опыта сложно делать какие-то теоретические выводы. Особую роль, конечно, у нас играет история правовых учений, история философии права. Вы правы в том, что сама по себе история государства и права, конечно, несколько отдалена от теории, но взаимосвязь все-таки есть. Я знаю, что некоторые университеты разделяют эти предметы и создают для них отдельные кафедры. При Петражицком у нас была кафедра энциклопедии права и истории философии права.

— А есть в Петербурге какие-то места, связанные с домашней жизнью Льва Иосифовича?

— Парочка мест есть. Один дом, где он жил, находится недалеко от Невского проспекта, он сохранился; второй дом перестроен. Мемориальных досок нет. Мы много раз предлагали их установить, но пока не удалось решить этот вопрос.📍

Мы выражаем глубокую признательность Андрею Васильевичу за интервью и поздравляем его с днем рождения: 12 декабря 2024 года отмечался его 70-летний юбилей.